

ДИАНА ПЕНРОУЗ

УБИЙСТВЕННО
РОЗОВЫЙ САД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П25

Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Пенроуз, Диана.
П25 Убийственно розовый сад : [детектив] / Диана Пенроуз. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 224 с. — (Уютные расследования).

ISBN 978-5-17-187780-4

В деревушке Розмари-Хилл ежегодный фестиваль роз — главное событие осени. Но в этот раз праздник омрачается трагедией: во время награждения умирает один из участников — талантливый, но не любимый соседями садовод.

Сердечный приступ? Стресс от неожиданного поражения?

Все готовы поверить в случайность.

Однако Пенелопа Дэй, владелица цветочного магазина, не спешит с выводами. Особенно после того, как ее кот Персиваль приносит на крыльцо перчатку с каплей крови.

Вместе с библиотекарем Агатой и загадочным владельцем чайного домика Элдриджем Пенелопа начинает тихое расследование под аккомпанемент чайника, мурлыканье kota и шелест газетных подшивок.

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Диана Пенроуз, текст
В оформлении макета использованы материалы
по лицензии © shutterstock.com

ISBN 978-5-17-187780-4

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1

Октябрьский воздух в Розмари-Хилл был не просто чистым, а прозрачным, будто хрустальным, и напоенным ароматами спелых яблок, дымком из печных труб и едва уловимым горьковатым дыханием увядающей листвы. Небо, высокое и бездонное, раскинулось над всей долиной, но здесь, над крышами деревушки, оно казалось особенным — не просто голубым, а густо-лазоревым, словно его окрасили в оттенок, позаимствованный у соцветий лаванды.

Розмари-Хилл приютилась в чаше пологих холмов, поросших старым лесом, уже тронутым осенним багрянцем и золотом. Эти лесистые склоны надежно укрывали деревушку от резких ветров, создавая свою

собственную, удивительно мягкую микроклиматическую зону. Пока в стране всю хозяйничала промозглая осень с ливнями и заморозками, здесь стояла тихая солнечная погода, что и привлекало в эти края постоянный поток туристов и путешественников.

Впрочем, не одна лишь погода манила сюда гостей. Подлинной душой Розмари-Хилл, ее визитной карточкой и главным нервом был ежегодный фестиваль роз, носивший поэтическое название «Фестиваль последней розы». Традиция эта была настолько древней, что даже старожилы забыли, что чему дало имя: был ли фестиваль назван в честь утопающих в розариях склонов холмов или же эти склоны прославились и стали «розовыми» благодаря фестивалю.

Подготовка к «Фестивалю последней розы» начиналась исподволь, еще весной, когда будущие участники — и новички, и умудренные опытом садоводы — начинали неспешные хлопоты. Они выискивали в каталогах новые сорта роз, лелеяли и улучшали свои проверенные «визитные карточки» или в тиши беседок обдумывали оформление для своих розариев. Уже в августе садоводы начинали вносить последние, самые важные штрихи. Они тщательно формировали кусты и выверяли график полива. Все это для того, чтобы в солнечный субботний день, пятнадцатого октября, представить свои творения на суд строгого жюри и восхищенной публики.

УБИЙСТВЕННО РОЗОВЫЙ САД

Жизнь в Розмари-Хилл была тягучей и размеренной, пьянящей, как местный яблочный сидр. Центральные улочки были аккуратно вымощены булыжником, а отдаленные, коих насчитывалось едва ли три десятка, состояли из прочного земляного наста, утопанного за долгие годы ногами местных жителей до состояния камня. И уже с самого утра по всем этим улочкам, и аккуратным мощеным, и утопанным земляным, потянулся неторопливый поток людей. Одни шли пешком, надев свои лучшие, праздничные наряды. Другие катили велосипеды с корзинками для пикника, болтающимися на руле. Местные жители и приезжие гости, смешавшись в одну пеструю реку, неспешно стекались к высшей точке Розмари-Хилл. А там, на вершине, их встречало нарастающее оживление, пьянящий аромат свежесрезанных цветов и радостный приглушенный гул — самый настоящий звук предвкушения праздника.

Центром всего действия был холм, густо поросший когда-то дикими розами. Именно он, а не географический центр, был сердцем деревушки. Здесь, на его склонах, высилась старая ратуша с часами, притулилась белоснежная церквушка, здесь же каждую весну шумела ярмарка. А вокруг холма, словно лоскуты стеганого одеяла, раскинулись ухоженные розарии. Чуть поодаль сверкали на солнце ряды теплиц, похожих на хрустальные дворцы. Сегодня

у подножия старой ратуши царило особое оживание. На специально возведенном деревянном помосте, похожем на нарядную сцену, теснились главные виновники торжества – выставочные экземпляры роз. Воздух здесь был наполнен пьянящим букетом ароматов: от нежного и фруктового до насыщенного и пряного. Совсем скоро здесь начнут суетиться почтенные члены жюри. Они будут переходить от одного цветка к другому, задумчиво делая пометки в своих бланках.

А пока до главного события года оставалось еще несколько часов, Пенелопа Дэй стояла у окна своего цветочного магазина. Она обрезала стебли белых лилий, но взгляд ее был прикован к Розовому холму. Поскольку центр Розмари-Хилл располагался на возвышенности, его было видно практически из любой точки деревушки. Из окна магазина Пенелопы открывался чудесный вид на это оживание. Она наблюдала, как по склонам, словно ручейки, постепенно стекаются люди, как рано утром рабочие устанавливали деревянную сцену, а вокруг нее, как грибы после дождя, выросли палатки стихийной торговли. Расстояние от ее магазина до холма было не больше двух километров. Она, разумеется, не могла различить лица людей, но видела, как знакомый пейзаж преображался к празднику, и этот вид наполнял ее тихой радостью.

Пенелопе было тридцать два, хотя выглядела она гораздо моложе. Возможно, именно это обсто-

УБИЙСТВЕННО РОЗОВЫЙ САД

ительство, а может, просто неожиданно принятый в местных краях такт в вопросах личной жизни избавил ее от настойчивых расспросов о замужестве. Хотя, возможно, соседки просто махнули на нее рукой, ведь в небольшом поселении свадьбы и роды оставались главными событиями, и местные бабушки начинали примечать потенциальных невест, едва те достигали совершеннолетия.

Но Пенелопа, пожалуй, уже и не вспомнила бы, в какой именно момент они отступили. Просто однажды навязчивые вопросы о замужестве прекратились, за что она была безмерно благодарна.

Ее цветочный магазин «Букет у холма» занимал первый этаж невысокого двухэтажного дома, выкрашенного в сливочный цвет, с темно-зелеными ставнями. На втором этаже жила она сама вместе со своим верным компаньоном — котом Персивалем. Кот был крупным, пушистым созданием рыжего окраса, приближавшимся к своему восьмому году. Его полное имя было Сэр Персиваль де Мэри Дэльфингтон, и он достался ей в наследство от покойного отца.

Отец Пенелопы, Патрик Дэй, скончался три года назад. Причиной стал обширный инфаркт. Это стало тяжелейшим ударом для Пенни — именно так он всегда ее называл. Для нее отец был самым близким человеком. Пенелопа почти не помнила мать, та умерла вскоре после ее рождения.

Патрик один воспитал дочь и больше не женился, сохраняя верность памяти своей супруги.

Когда Пенелопе пришло известие об ухудшении его здоровья, она немедленно покинула столицу, куда уехала сразу после колледжа, и вернулась в Розмари-Хилл. В большом городе она оставила работу — ставший привычным мир цифр, отчетности и строгой логики. Тогда она еще не предполагала, что возвращаться к той жизни у нее не возникнет ни малейшего желания.

Сначала Пенелопа ухаживала за отцом, а после — за его цветочным хозяйством. Патрик был виртуозным садовником. Многие годы он удерживал титул победителя «Фестиваля последней розы», а незадолго до смерти возглавил судейскую коллегию конкурса. Еще когда Пенни была подростком, он начал учить ее всему, что знал сам: не просто составлять букеты, а чувствовать характер каждого цветка, понимать язык его изгибов и оттенков, ухаживать за капризными орхидеями и находить подход к строптивым розам. Он показывал, как закреплять стебли, чтобы композиция дышала, и как одним точным движением вернуть к жизни увядающий бутон.

Когда его не стало, Пенелопа без раздумий решила продолжить дело всей жизни отца. Теплая тяжесть Персиваля на коленях, розы в палисаднике, ждущие ее заботливой руки, и неторопливый, предсказуемый ритм жизни в Розмари-Хилл помог

УБИЙСТВЕННО РОЗОВЫЙ САД

ли ей найти в себе силы пережить утрату. Магазин превратился в наследие и надежный якорь.

Пенелопа продолжала работать с лилиями, когда порыв ветра из окна поднял облачко оранжевой пыльцы с тычинок. Пенни сощурилась, и вокруг ее больших светло-карих глаз цвета жидкого меда на мгновение собралась едва заметная паутинка лучиков-морщинок. К тридцати двум годам ее красота уже лишилась броской яркости, превратившись во что-то спокойное и уютное, как свет от настольной лампы в осенний вечер. Русые, от природы выющиеся волосы были небрежно убраны в пучок, из которого упрямо выбивались пушистые пряди, золотившиеся на солнце. Россыпь веснушек, когда-то усыпавших ее нос и щеки в юности, почти сошла на нет. А вот родимое пятно на левой щеке, напоминавшее крошечный кленовый листок, осталось.

Отец любил эту родинку и ласково называл ее «моя метка». Каждое утро, будил он дочь или провожал в школу, он непременно находил момент, чтобы коснуться этого места губами, ставя невидимую печать своей бесконечной любви.

Пенелопа собиралась поставить очередную подготовленную лилию в вазу, как вдруг ее взгляд упал на прикорневую часть стебля, погруженную в воду. Она сузила глаза. Вода была идеально прозрачной, но на самом стебле она заметила едва уловимый маслянистый отлив.

«Странно...» — не оформившаяся мысль мелькнула и погасла, отложенная в сторону более насущными задачами.

Она отложила цветок в сторону, чтобы позже промыть стебель, и потянулась за следующей лилией. Ее внимание уже переключилось на новую композицию, которую предстояло собрать, как вдруг с мягким, моторным урчанием на подоконник запрыгнул Сэр Персиваль. Он грациозно прошелся между вазами, виляя хвостом-плюмажем, и ткнулся своим прохладным влажным носом прямо в родимое пятнышко под глазом хозяйки. Это был их утренний ритуал, унаследованный от отца Пенелопы, — словно волшебная кнопка, нажав которую, он будил в ней не просто тело, а саму душу.

— Привет, Персик, — мягко сказала Пенелопа, почесав его за ухом. — Хочешь погулять?

Кот в ответ бурно помурлыкал, и Пенелопа, отложив секатор, направилась к двери. В этот момент ее взгляд упал на приоткрытый ящик с инструментами. Вчера она перекладывала его содержимое и точно помнила, что оставила маленькие садовые ножницы с синей ручкой сверху. Сейчас же они лежали под парой перчаток лезвиями вниз.

Пенелопа на мгновение замерла. Она не была человеком беспорядка — каждая вещь в магазине имела свое место. Пенни мысленно восстановила цепочку: утром заходила миссис Хиггинс за букетом хризантем, суежилась и просила совета. Она стояла

УБИЙСТВЕННО РОЗОВЫЙ САД

как раз у того ящика. Вероятно, в поисках подходящей ленты Пенни отвлеклась, случайно сдвинула ножницы, а потом, торопливо закрывая ящик, просто сунула их под перчатки, чтобы он легче защелкнулся.

«Любопытно, — мелькнуло у нее в голове. — Беспорядок — это всего лишь нерасшифрованная закономерность».

Улыбнувшись этой мысли, она поправила сбившиеся пряди волос и открыла дверь для Сэра Персиваля, который уже нетерпеливо бил хвостом по полу. Дверь отворилась с мягким скрипом, и Персиваль мгновенно, словно рыжая жидкость, просочился в едва заметную щель. Пенелопа распахнула ее полностью и вдохнула свежий, непривычно теплый для октября воздух. И ей почудилось, что она улавливает в нем тончайшие нотки роз, пышным ковром расстилающихся сейчас на холме. На секунду ее накрыло почти непреодолимое желание — бросить все заботы и отправиться на конкурс. Ведь на заднем дворе ее маленького магазина давно ждали своего праздничного часа великолепные чайно-гибридные розы сорта «Глория Дэй». Она обожала эти розы: именно в их честь получила свое второе имя. Ее полное имя было Пенелопа Глория Дэй.

Однако мгновение спустя она пересилила это желание. Шумно выдохнула, затворила дверь и быстрым шагом вернулась к окну, к своей любимой,

хоть и немного рутинной работе. За всю свою жизнь Пенелопа ни разу не принимала участия в «Фестивале последней розы». Отчасти потому, что тщеславие было ей чуждо в принципе. Но главной причиной была память об отце. Она боялась, что никогда не сумеет достичь его высоты. Вершины, которые он брал год за годом, прежде чем войти в судейскую комиссию, казались ей непреодолимыми. Хотя она и понимала разумом, что с тех пор, как ее отец перестал занимать первое место, его занимали другие люди. В частности, победителем последних двух лет становился ее старый знакомый, юноша по имени Джон Франклин — кстати, тоже названный в честь вида розы. И выращивал он иной сорт — не то из принципа, не то по какому-то одному ему известным причинам.

Пенелопа знала его с самого детства: они прошли бок о бок всю школу, а затем поступили в колледж на одну и ту же специальность, и с первых дней между ними зародилась плотная, почти физически ощутимая горьковатая неприязнь. Их взаимная вражда не имела под собой глубоких оснований. Это был один из тех случаев, когда дети, словно по случайному наитию, безо всякой видимой причины решают, с кем будут дружить всю жизнь, а с кем — существовать на разных полюсах.

Они были двумя полюсами, двумя разными мирами, случайно столкнувшимися в тесном пространстве

УБИЙСТВЕННО РОЗОВЫЙ САД

школьных коридоров. Джон Франклин — харизматичный, громкий, с преждевременной уверенностью лидера, умеющий очаровывать и манипулировать. Его амбиции были подобны сорнякам — агрессивным и быстро растущим. И для их подпитки он избрал весьма простой и приземленный способ: старался возвыситься, унижая других. Первой и самой удобной мишенью стала тихая Пенелопа Дэй с ее книжками и вдумчивым взглядом. Именно он с безжалостной прямоотой детской жестокости обратил всеобщее внимание на ее родимое пятно, превратив его из точки отцовской любви в мишень для ежедневных насмешек.

Но Пенелопа с годами, как роза, что выпускает шипы для защиты, научилась давать отпор. К четвертому классу их стычки переросли в настоящую войну. Она не оставалась в долгу, оттачивая свое остроумие до бритвенной остроты, и ее колкости порой очень сильно ранили Джона. Они соревновались во всем: за лучший проект по естествознанию, за внимание строгой учительницы литературы, даже за то, кто первый добежит до столовой, — все было полем битвы.

Одним из самых ярких эпизодов этого детского сражения стала история с классным журналом. Пенелопа помнила тот день в мельчайших деталях: как пахло книгами и старыми партами, как солнечный луч пылился на карте мира над доской. Миссис Эдж-

комб, их обычно невозмутимая учительница, стояла с пустыми руками и растерянным лицом, объявив, что журнал с оценками и посещаемостью исчез. Она прочла длинную, унылую лекцию о честности и ответственности, но ее слова повисли в воздухе, не находя отклика.

Пенелопа, сидя с прямой спиной, слушала, но мозг уже работал в другом режиме. Ее светло-карие глаза медленно скользили по рядам, сканируя лица одноклассников. И вдруг ее взгляд зацепился за Джона. Он сидел, развалившись, с нарочито преувеличенным выражением скуки, глядя в окно. Но его пальцы нервно барабанили по крышке парты, а уголок рта подрагивал в едва уловимой усмешке. Это была первая деталь. Вторая пришла к ней позже, по дороге домой, когда она, переступая через треснувшие плитки тротуара, обдумывала случившееся. Ее мысли, обычно занятые головоломками и шифрами, нашли новую задачу. Тогда она еще не знала слова «мотив», однако это не мешало ей рассуждать. Кому это выгодно? И ответ пришел сам собой: только Джону. Только ему, чьи не самые блестящие оценки могли вызвать гнев требовательного отца, было нужно скрыть улики.

На следующее утро, когда пропажа не нашлась, Пенелопа действовала с холодной решимостью стратега. Она подкараулила его в пустом коридоре, где пахло воском для пола и доносилось эхо из спортзала.

УБИЙСТВЕННО РОЗОВЫЙ САД

— Джон, — тихо сказала она, преградив ему путь, — я знаю, что это ты взял журнал.

Он остановился, и на его лице мелькнуло неподдельное удивление, быстро сменившееся привычной маской высокомерия. Он шагнул ближе, пытаясь запугать ее ростом и напором.

— О чем это ты, Пятно? — он ядовито растянул прозвище. — Бредишь? Лучше проваливай, пока цела.

Пенелопа не отступила, хотя ее колени слегка дрожали. Она сделала свою ставку, глядя ему прямо в глаза.

— Верни его миссис Эджкомб. Тихо положи на место, и я забуду, что видела тебя в тот день возле учительского стола. Никто не узнает.

Она предлагала перемирие, выход без потери лица. Но Джон, ослепленный злостью и, возможно, страхом, лишь прошипел:

— Только попробуй кому-то проболтаться, и я сделаю так, что тебе больше ни в одной школе жизни не будет.

Он не вернул журнал, решив, что одноклассница блефует. И тогда Пенелопа с тяжелым камнем на душе, но с уверенностью в своей правоте пошла к миссис Эджкомб. Она не кричала и не обвиняла, а спокойно изложила свои доводы: его мотив, его странное поведение и свою догадку о возможном месте: он мог спрятать журнал недалеко, чтобы потом вернуть, когда шум утихнет. Оказалось, она